

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

ЛУЧШАЯ РОЛЬ МЕСЯЦА

Наталья Гундарева: **Услышать и отозваться**

На телевидении мне посчастливилось сыграть совершенно разные, даже полярные роли. По-моему, без телевидения само существование современного актера просто невозможно.

«Мы всей семьей порадовались за актеров С. Старчикова, Б. Невзорова и А. Фатюшина, которые стали победителями январского конкурса «Советской культуры». Однако не меньше понравилась нам игра Натальи Гундаревой в телефильме «Хозяйка детского дома». Картина эта была показана в последний день января, но и теперь, месяц с лишним спустя, мы еще обсуждаем поднятые в ней проблемы. Считаем, что главной удачей телефильма стал образ Александры Ванеевой. Игра Гундаревой внесла достоверность, жизненность, узнаваемость в несколько схематичные ситуации картины. Очень просим редакцию считать Н. Гундареву лучшей актрисой февраля» [семья ГРИГОРЬЕВЫХ из Костромы].

К этой просьбе присоединяется множество читателей «Советской культуры». «За весь февраль, — пишет И. ПИМЕНОВА из Москвы, — на телевизоре не было ни одной актерской работы, которая бы произвела столь же сильное впечатление, как игра Гундаревой в «Хозяйке детского дома». Интересные суждения о работе актрисы, теплые слова в ее адрес высказали В. Завьялова из Львовской области, Л. Ежак из Ярославля, Н. Петрова из Волгограда, М. Давыдова из Одессы, А. Синельников, Е. Голованова и А. Козлова из Москвы, Е. Возчикова и Н. Панов из Ленинграда.

В ПЕРВЫЕ дни марта с Натальей Гундаревой вашему корреспонденту встретиться так и не удалось, ибо все, не связанное с театром, отошло у актрисы на задний план. В Театре имени Маяковского шли репетиции, прогоны, наконец, сдача и премьера пьесы Г. Боровика «Агент 00», где она играет роль Мадам. Право же, в этой обаятельной, но циничной хищнице трудно было узнать добрую и строгую Александру Ванееву. «Нет, не может быть, она не играет, — так и хотелось воскликнуть, — наверное, она на самом деле такая холодно-расчетливая, уверенная в своей неотразимости Мадам».

«Огорчает ли актрису это почти непреодолимое желание зрителей отождествить ее с героиней?» — такой вот наивный вопрос я задала Наталье Георгиевне, когда ее предпремьерные волнения миновали, а мои собственные наблюдения сделала праздным другой вопрос, заготовленный, как водится, заранее: «Чему все-таки принадлежит сердце — театру, кино или телевидению?» Интонацией своего первого же ответа она заставила вашего корреспондента забыть все тяготы ожидания встречи: обескураживающая откровенность, непосредственность, простота. А где-то в глубине — естественная усталость человека, всецело преданного своему делу, работающего на износ.

— Огорчает ли прямое отождествление? — на минуту задумалась Наталья Георгиевна. — Нет, пожалуй, радует. Если зрители, глядя на мою героиню, поверили, что я такая корыстная, злобная, хищная, лично я это стерплю. Если зрители внутренне вздрогнули, значит, я пала в десятку. Помню, как я сама не увидела мою героиню в «Подранках» — ее барственные жесты, высокомерие, бесчувственность. Вроде бы ничего криминального не делает, но нравственное чувство нормального человека не выдерживает, когда голодному ребенку, умоляющему о добавке капельки супа, она роняет в тарелку ровно каплю. А Липочка из спектакля нашего театра «Банкрот»? Если пошлое, мещанское, животное содержание ее характера стало зрителям по-настоящему отвратительно — значит еще один вечер я прожила не напрасно.

— Ну, к счастью, маленьких детей вам пугать не будут. Ведь не менее достоверны и узнаваемы ваши положительные героини. Например, В. ДОЛМАТОВ из Биробиджана пишет: «Александра Ванеева — это, по-моему, идеал воспитателя. Игра Гундаревой настолько точна, будто она сама лет двадцать проработала педагогом».

— Ну нет, — улыбается Наталья Георгиевна, — ни учителем, ни воспитателем мне в реальной жизни быть не приш-

лось. Имею скромный опыт работы пионервожатой: несколько раз ездила в пионерские лагеря, когда была студенткой Щукинского училища. Однако профессия педагога близка каждому человеку. Почему сейчас вся страна столь страстно, столь заинтересованно обсуждает проект школьной реформы? Никто из нас не минует в жизни учителей, воспитателей — от качеств их личности во многом зависят и наши судьбы. Я за последний месяц получила огромное количество писем. Пожалуй, ни одна моя работа не вызвала такого отклика, как «Хозяйка детского дома».

Да, многие обращаются теперь ко мне как к Александре Ванеевой. И знаете, что сквозит во всех этих письмах? Тоска по вниманию. Думаю, это главное в педагоге — быть внимательным. Слово-то какое — внимать — значит слушать, слышать, отзываться. А многие ли учителя, родители способны внимать ребенку, видеть его лицо, глаза, разделять его радости и огорчения?

Часто дети болевают не от сквозняка вовсе, а от холода и равнодушия взрослых. Умение разделить чувства, выслушать — вот что, по-моему, в воспитании важнее всего. И это требует терпения, времени, любви. Я не представляю себе школу будущего с огромными, как сейчас, классами. И учителя просто необходимо освободить от формальной, бумажной работы, от бесконечных заседаний, планов и отчетов. И в педагогические вузы нельзя принимать тех, кто не способен любить и сострадать.

Вот видите, я сейчас говорю «от себя», от лица Гундаревой, но все это могла бы сказать Ванеева. Наверное, потому зрители отозвались на «Хозяйку детского дома», что я высказала свою боль, нашу общую боль.

— Меня очень удивило письмо С. Абрамова из Киева. Он написал: «Многие наши женщины увидели себя в Александре Ванеевой. Так же узнаваема была у Гундаревой многодетная мать Надя Круглова [кинофильм «Однажды двадцать лет спустя»]. Не странно ли, речь идет об исключительных женщинах, о редких судьбах, а зритель вдруг говорит о типичности?»

— Да, пожалуй, странно. Конечно, обе эти героини идеализированы, особенно Надя Круглова. Думаете, наши зрители не знают реальной жизни? Прекрасно знают. Не Надя Круглова с ее десятью детьми типична. В сознании зрителей типичны ее идеальные в традиционном народном представлении качества: любящей и любимой жены, матери, хозяйки.

Сейчас много пишут о несчастливых женских судьбах — однако по большей части новая ситуация в жизни женщины рассматривается через призму старых, традиционных представлений о женском счастье. Причем тоска по ним тем сильнее, чем меньше реальные возможности для их существования. Наверное, интересно было бы проанализировать, как складываются современные слагаемые женственности, проследить их исторические корни.

Александра Ванеева имеет куда большее отношение к реальной жизни, чем

Надя Круглова. Не случайно у героини «Хозяйки детского дома» есть прототип, и я лично в процессе съемок познакомилась с этой женщиной, убедилась: хотя она живет без мужа, не чувствует себя ни ущербной, ни одинокой. Мне кажется, эту ситуацию необходимо исследовать более глубоко, подробно. Однако же в «Хозяйке детского дома», как и в последнем кинофильме с моим участием «Одиноким представляется общежитие», достоверные характеры помещаются в идеализированные, почти невероятные ситуации, а это уже, конечно, не помогает ни актеру, ни зрителю.

— А что лично вам помогает на съемочной площадке?

— Во-первых, хорошая драматургия. И идеальный образ может убедить зрителя, если он выписан в сценарии с психологической точностью. Во-вторых, лично мне помогает наблюдательность. Я всегда стараюсь посмотреть вокруг. Мне интересна жизнь и люди — как они выглядят, о чем думают, как говорят. Помню, на Московском вокзале в Ленинграде увидела, как прощаются две молодые женщины. Мне показалось странным, что одна из них все время запрокидывает голову назад. Подошла поближе и вдруг вижу: да у нее же глаза, полные слез! Потом эта деталь, подсмотренная в жизни, стала ключом к образу гражданки Никаноровой: моя героиня, которая под маской веселой развязности прячет тоску, боль, вот так же вроде бы горделиво закидывает голову, но только для того, чтобы из глаз ненароком не пролились слезы.

Я не люблю теоретизировать, потому что в работе помогает, по правде сказать, лишь одно: ощущение, что роль волнует, что я сама хорошо понимаю, о чем идет речь в пьесе или сценарии. Как-то в одной рецензии прочитала: «В «Сладкой женщине» Гундарева открыла новый социальный тип городской мещанки крестьянского происхождения». Может быть, это и так, но я, честно говоря, берясь за роль Анны Доброхотовой, думала о другом: меня в жизни очень задевают эмоциональная тупость, неумение общаться, нежелание замечать окружающих. Мою героиню волнует только один вопрос: что я с этого буду иметь? Женщине же жизненно, биологически необходима мудрость жертвенности и доброты.

Я всегда играю про то, что меня радует или огорчает, потому что и в жизни ежедневно ставлю перед собой вопросы, на которые мне, Наташе Гундаревой, просто необходимо ответить или хотя бы сформулировать свое отношение.

Когда я получаю роль, у меня никогда не возникает ощущения, что битва выиграна. Ведь победа не в том, что тебя утвердили на съемку, — нет, с этого момента сражение только начинается. И тогда меня даже охватывает восторг от предчувствия того, что предстоит сделать. Взаимоотношения с ролью, трепетные, хрупкие, всегда рождаются лишь в творческом процессе, в совместной работе с драматургом и режиссером. Может быть, поэтому я так люблю именно театр с его живой сценической площадкой, долгими репетициями, возможностью выверять, уточнять свою героиню и после премьеры. Правда, кино я тоже люблю, скучаю по съемочной площадке.

— А телевидение!

— Все-таки меньше. Здесь много спешки, нет обстоятельности. Съемочные смены короткие: за три часа снять эпизод — просто мука. Однако телевидение, по-моему, очень помогло тому, что режиссеры кино в меня поверили. Ведь в кино многих актеров подстерегает опасность постоянно использовать уже раз найденное. А на телевидении мне посчастливилось сыграть совершенно разные роли, даже такие полярные, как Марфинька в «Обрыве» и Мирандоллина в «Трактирщице», Екатерина II в «Капитанской дочке» и Дунька в «Любови Яровой», Смеральдина в «Труффальдино из Бергамо» и Татьяна Павловна в «Подростке». Есть даже опыт моноспектакля — по телевидению страницу за страницей я прочитала «Тупейного художника» Лескова. По-моему, без телевидения, как к нему ни относиться, становление, даже само существование современного актера просто невозможно.

— Театр, кино, телевидение... Как вас на все хватает?

— Не хватает. И я завидую тем, кто высыпается, кто может распоряжаться собой и своим свободным временем. Ведь я люблю вязать, заниматься домом, готовить, рисовать. Но не играть, не работать много просто не могу. Потому что игра — моя страсть.

Беседу вел
Е. ЧЕКАЛОВА.